

НАША СТРАНА

Год издания—54-й. Буэнос Айрес, суббота 15 декабря 2001

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 15 de diciembre de 2001 N° 2677-2678

МИРАЖИ СОВРЕМЕННОСТИ

САМ СЕБЕ ВРАГ

По поводу безобразных выступлений Евтушенко (с восхвалениями Альенде и поношениями генерала Пиночета), хочется приложить к нему слова, высказанные некогда по адресу Демьяна Бедного:

**И малый свой талант
покрыл большим позором.**

Не будем отрицать, что талант у Евтушенко был. Но он его разменял на недостойные и, вопреки его воле, противоречивые политические и своекорыстные мелкие интриги.

И сделал сам себе непоправимое зло. Чего, вероятно, не понимает; но что мы-то видим.

Неумолимый суд истории оценит его как поэта, который мог бы стать настоящим... если бы поменьше лгал.

Но вот, не стал.

ЗОЛОТО И МИШУРА

Была пора, когда белая эмиграция, словами из дивного стихотворения Цветаевой "славные обломки", причаливала к негостеприимным берегам Европы. Как сказано в том же стихотворении:

**С пеной у рта пляшет, не догнав,
Красная погоня...**

У большинства карманы были пусты: много ли унесет с собою солдат, тем более солдат разбитой армии?

Но они несли с собою, не всегда сознавая, драгоценное сокровище: русскую монархическую идею, сконцентрированную в золотой, вечной формуле: "За веру, царя и отечество!"

По всем оценкам, в том числе вражеским, 90 % первой эмиграции были монархисты.

Но вот остальные 10 процентов... В них жил вредоносный фермент февразизма. Их боевая роль в Белом Движении была не велика; но их громкие крики: "Царь нам не кумир!" наложили свое гибельное клеймо на святое дело.

А дальше развивалось так: для одних тяжелая, часто унижительная работа, поглощавшая силы и время и не оставлявшая времени для участия в политике.

Другие же, социалисты или масоны, — те сразу оказались приняты в объятия Запада; и их голос отныне заглушал высказывания их менее счастливых соотечественников. Хотя впрочем их, левых, всегда было и навсегда осталось незначительное меньшинство.

Хуже было другое. Крах, поражение наложили глубокие шрамы на сердца даже самых честных и мужественных. В их

душах звучал плач о прошлом:

**О тебе, святой, великий
невозвратный Илион.**

Но вера в восстановление прошлого, в воскресение настоящей России была если не утеряна, то поколеблена.

Подростало новое поколение, получали постепенно значение наиболее молодые из рядов добровольческого воинства.

И для них возник соблазн бросить в лицо старшим, вождям и родным:

**Насмешку горькую обманутого
сына
Над промотавшимся отцом.**

И создать что-то свое, непременно новое, не похожее на старые, привычные лозунги.

Но что?..
Они жили в условиях Запада.

ПОСЛЕ ТАЛИБОВ

Для крестьян и пастухов Афганистана, и для всех в нем, кто близок к народу, ясны исторические факты: пока царил Захир Шах, в стране были мир и порядок, и никто не покушался на ее независимость. Как только его свергли — началась кровавая катавасия внутренних войн и иностранного вторжения.

Так теперь, освободившись от тиранической власти талибов, казалось бы, — позвать его обратно? А он готов вернуться...

Но... для всяческих с позволения сказать международных организаций, ООН и к°, важнее всего — магическое слово "республика". И вся их ставка — на так называемого "президента" Раббани (который короля ненавидит, видя в нем соперника).

Положим, как отмечают и западные газеты, Раббани "не пользуется ни любовью, ни уважением воинов Северного Альянса"; проще говоря, — они его в грош не ставят. А именно они, своею кровью, купили победу!

Несправедливо ее целиком приписывать американцам. Обстрел с воздуха помог антиталибскому движению; но занимать, с боями, территорию и города пришлось афганцам. А оружие у них было главным образом из России (даром или за деньги, — пока остается тайной).

Удивляющий Запад факт, что они не хотят размещения в их краю иностранных войск

А на Западе боролись, на первом плане, с одной стороны коммунисты, с другой — нарождавшиеся фашисты.

Сделаем отступление, — фашизм представлял весьма разные струи: испанские фашисты умирали потом от руки красных в борьбе за христианскую веру; германские национал-социалисты преследовали христиан (и особенно католиков) и мечтали возродить языческий культ Вотана.

В российском Зарубежии (помимо не сыгравших большой роли "русских фашистов" на Дальнем Востоке) эта новая тенденция отразилась во двух формах: солидаристы и младороссы.

Лескарство, как мы теперь знаем, оказалось не то, чтобы "хуже самой болезни", но привело в конечном счете к ужасающему усилению болезни, с коей боролись, — мирового коммунизма и,

(в особенности английских, нации испокон их родине враждебной!) совершенно естественен. Люди боролись за свободу и независимость; и любая чужеземная оккупация им неприемлема. Безумие чреватое страшными последствиями — им оную навязывать! И очень нечестны обвинения в "беспорядках" по адресу бойцов и вождей Северного Альянса! Наступающая, победоносная армия, даже самая регулярная, не может избежать эксцессов, — а уж армия народная, в гражданской войне, тем более.

Это просто диво, что в Кабуле удалось предотвратить какие бы то ни было грабежи и расправы, — введя туда отборные, самые дисциплинированные военные части.

А что по другим областям покамест, в первый момент смены властей, бывает всякое, — такова неизбежность. A la guerre comme à la guerre!

Если же случается, что победители расстреливают пленных, особенно ревнителю Талибана из числа иностранцев, — арабов, чеченцев, пакистанцев, — это, конечно, нехорошо.

Но не следовало ли бы войти в их положение и понять их чувства? Они находят тела своих друзей и соратников, попавшихся в руки талибов, истерзанные жестокими пытками...

главное, советского большевизма.

Идея нацмалычилов, как бы там на первых порах она ни выглядела (особенно в их собственных глазах) проявила себя целиком как мертворожденная в тот момент, когда Россия и впрямь стала освобождаться от сатанинского строя. Борьба с большевиками являлась оправданием их существования (и под нее они получали средства от иностранцев); но предложить план иной жизни, иного правления, — этого они не могли. На наших глазах сейчас они сходят на нет: у них явно и бесспорно нет будущего.

У младороссов, вроде бы, больше имелось шансов на успех: они объявляли себя монархистами. Нелепые фразы типа "царь и советы" вытекали из ложного понимания творящегося на родине; там, в реальности, идея "советов", популярная в годы революции, быстро теряла привлекательность для масс. Но это — неудачная слезность — составляло беду поправимую. А крепкая организация, казалось бы сулила важные преимущества.

Гибель и быстрый развал проистекали из измены руководства, из того, что во главе стоял провокатор (не совсем ясно, провокатор с какого момента?) Казем Бек. В дальнейшем же его преступная деятельность дискредитировала всех членов его партии, — из коих абсолютное большинство не подозревало о его подлинной сущности.

В результате, на арене политической борьбы сохранил свое место лишь Имперский Союз, изначально имевший монархическую программу, хотя выглядевший слабее, чем две названные выше конкурировавшие с ним группировки. Потому что его-то идея — вечная и нетленная; золото тем и отличается от других металлов, что не ржавеет.

Множество других организаций возникли и распадались за долгую жизнь российской диаспоры. Но суть дела всегда в том же самом: по природе чуждые концепции социализма, республиканства, фашизма не могут привиться на русской почве; они заключают в себе смертоносный дух, и попытки их применения и утверждения или сразу ведут к развалу или создают кошмарный ад на земле, пример которого мы наблюдаем в нашей несчастной отчизне.

Пока мы не сумеем сделать из этих фактов, щедро продемонстрированных историей, правильных выводов, — увы, все попытки спасения пребудут напрасны, все пути к лучшей жизни — закрыты.

ВИКТОР ШТРЕМЛЕР

ЕЛИЗАВЕТА ВЕДЕНЕЕВА

СТОРОЖ РУДНИКА “РТАНЬ”

Сорок первый год на Балканах...

В окна стучал и стучал дождь. Он зарядил на исходе седьмого часа, когда сентябрьский день потемнел, гребень горы дал длинную тень на долину, и над перевалом, на прогалине чистого неба успела вспыхнуть первая звезда.

Окна уже совсем почернели, и человек, сидевший за столом в единственной комнате сторожки, прибавил фитиль керосиновой лампы. Мигающий, коптящий огонь чуть ярче осветил убогую мебель, прислоненный к столу карабин, кофе и снедь на скатерти. Сторож пожилой, коренастый сидел в грузноватой позе, которую принимают люди либо очень уставшие, либо нездоровые. Он механически жевал ломтик пшеницы, запивая мелкими, медленными глотками. Глаза пожилого человека, глубоко запавшие, колкие, с мешками под веками, глядели в стол. Но не стол видели они...

— Неплох кофе, неплох, согреть может... Да разве с чайком сравнишь? Его, бывало, заваривашь на самоваре, в жару, постоит, налишь в стакан — а он аж красненький, бордо, чайники в нем крутятся... Сахарок поколешь — и пьешь через него... А эта пита? Жуешь ее, жуешь, души в ней нет. А наш ситный? А пряник тульский? Хлебнешь чайку, из вазочки пряник возьмешь, разлочишь, из него повидло золотое тянется, а сам румяный, с узорами черными. Неужто больше не попробовывать такого?

Ветер с гор сильнее хлестнул дождем в окно.

— А дождь ихний взять? Моросит, моросит, сеет... У нас и дождь-то не такой был. Грохнет, бывало, в небе, протрещит, будто бумаги полотнище там разорвали... да как даст, теплый, серебряный, по плетням, по лопухам... Куры, собаки — врассыпную. И молнии над садом — так и режут, так и сверкают...

Что-то булькнуло, капнув в недопитый кофе.

Сеялся, моросил чужой дождь, над домиком сторожки, над бараками, над горами, с которых ветром сносило, устилая долину, листву облегающих лесов.

Сторож рудника Ртань, с непривычной для сербского уха фамилией Штейфон, только что заступил на ночное дежурство. Работы было немного: обходить территорию, состоящую из двух бараков, директорского дома, дома для служащих в лощине под горкой, которая тянулась до входа в штольню рудника с рельсами для вагонеток, и дровяного склада за бараками. В любом из этих мест сторожа могли подстеречь и уложить выстрелом, а то и просто ножом. Хотя, можно было и не подстерегать. Что сделает старик с карабином против титовской четы, буде

она прокрадется через перевал и справится с пулеметным гнездом в штабеле дров у дороги? Пару выстрелов, тревогу для немцев, что “усиливают” его в домике в лощине. Немцы? Что смогут они, если хотя бы полувзвод противника выйдет на ближайшую высоту над бараками? Несколько гранат — и все кончено. А с высоты над домиком директора — великолепный сектор обстрела всего расположения. Все эти особенности ландшафта Борис Александрович с ходу отмечал, от чего становилось еще тяжелее на сердце. А оно сегодня с обеда болело и болело, и сбивалось с ритма, и дышать было тяжело. Огневые бы точки свои на гребень, пару-тройку пулеметов да бомбомет, хотя бы ротный. Бункер бы из валунов соорудить. Но немцы там в оборону ни за что не сядут...

Выйти на улицу надо, подышать. Зря кофе напился: сердце будто в кипятке варится...

Штейфон натянул непромокаемый плащ, поднял за ремень карабин. Дослал в ствол патрон. Если что, больше двух выстрелов ему сделать не дадут, но пусть будет на взводе. Открыл дверь, фонарь качался на ветру, и рваные холодные струи намочили черную плотную ткань дождевика, залетели под капюшон.

Ветер кружил над горами, ветер и вечер, становящийся ночью, мгла на небе ползла и ползла. Да еще бук над оврагом, надломленный бурей, качаясь во тьме, скрипел и стонал, и Штейфону казалось каждый раз: это там, где-то, стонут перед смертью беззащитные, кричат слабеющие голоса: спаси, спаси, и летят стоны отовсюду, несут их северные, восточные, западные, южные ветры... а он слышит их, слышит всех, а помочь не может.

Дождь снова хлестнул, потек по лицу. Но не прятал лица рудничный сторож, напротив, поднял вверх, глядел в низко висящую облачную хмарь, и жестко вырезанные губы, падая к подбородку углами, шептали тихо:

— Не дождь это. Не дождь, Господи. Слезы это, слезы людские, видишь? Люди русские плачут с небес Твоих: убили нас, и малых, и старых убили, и на земле этой горькой, и на земле другой, там, там, далеко... И многих еще убьют... И некому защитить...

Капли дождя брызгали, летели, застилая глаза, и мешали видеть штабеля дров, и обрыв оврага, и все, что было вблизи и вдали, но не это видели глаза. Уже память рисовала другое: видел он степной солончак, выжженный июльским зноем, ястребов, лениво плывущих в дрожащем, жарком небесном мареве, синий турецкий ятаган Черного моря на горизонте полуденной крымской степи. И себя он видел, молодым кутеповским

генералом, и стоял на клочке России, и был еще смысл и в жизни, и в гибели...

Многотысячный надоедливый путь. Так же качаются фонари над барачными дверями, в конусе света блестит дождь, мокрый ремень карабина в руке и хлюпает под усталыми ногами раскисшая чужая земля.

— Господи Вседержителю, слышишь ли Ты нас? Не довольно ли народ Твой от агарян безбожных претерпел, не довольно ли плакал, развеянный по всем ветрам? Был и другой, в древности возлюбленный Тобой, народ, и заставил Ты его познать плен и рабство, и стойкости научил гневной любовью Твоей... И вывел его из Египта, и чудо свершил великое, когда расступилось море перед ним и вновь сомкнулось над колесницами фараона. И простил Ты, и возвысил над иными избранный народ израильский. Но для Нового Израиля Своего, для русских людей давно не творил Ты чудес...

Борис Александрович постоял над спуском в лощину, осмотрел все: тихо. В доме для служащих, занятом немцами, неровно рдел огонь железной печки, отражаясь в стеклах, и в открытую форточку выдувало еле слышный аромат кофе. Вояки... войны не видали, из Венгрии сюда переброшены, и стреляли-то в апреле девять дней. Дверь колом припереть, две очереди в окна — и всё, рудник — титовский. Да неужели на красных нигде силы не осталось?

Тихо здесь. Даже паразитично. А под Шабцем бои: казаки оружие достали, не пускают банды. А из Белграда Михаил Федорович писал: стал начальником Бюро; первое дело — как-то устроить, накормить беженцев, бегущих в столицу из пригорода остатков растерзанных русских семей. А сербы ничего не могут: сами оккупированы. А немцы отмахиваются: защищайтесь своими силами... После этого-то письма и стало сердце гореть, со ссорами биться.

Для очистки совести дровяной склад огляжу — и обратно.

А жить так — уж надоело. Из сторожей спишут — куда? В инвалиды? В больницах угасать? “И слишком тут пахнет эфиром, и душно, и слишком тепло...” И мечтал Штейфон о смерти — в бою. Пусть вывернутся из темноты трое — они тройками ходить любят. Пусть последний раз ощутит плечо приклад, пусть споткнется от его выстрела хоть один. Хоть один, Господи. Чтобы на войне умереть, на войне с ними, как белозерцы его умирали и бредовцы, как под Юшунью, по крымской замерзшей степи побежденные гнали победителей.

“Лучшей судьбы не прошу у Тебя, не смею. Пусть такая будет... Об одном молю только: тем, кто моложе меня, сильнее

телом и духом — дай лучшую судьбу, Господи! Не дай народу моему бессильной смерти тельцов на закляньи... пусть сила будет в руках их, и штыки засияют, и увидит пусть враг знамена Твои... Сотвори чудо, Господи! И народ Твой спасенный умножит славу Твою...

Над горами, размытыми, полускрытыми мраком, положено огнем, рассек небо зигзаг молнии, и секунд через пять громовой раскат тяжко сотряс воздух. И почудилось Штейфону: пушки бьют, как в маньчжурской степи, как под Эрзерумом, как в перекопских ночах. И отчего-то решил он, уверовал: услышал Господь.

Вот и сторожка. А сердце кипит, как в котле. Вроде, нитроглицерин еще не кончился. Штейфон постоял у двери, держась за грудь, несколько раз вздохнул глубоко.

— Хоть бы дожить... Хоть бы продлил Ты дни мои, пока не увижу я, что дал Ты вновь русским силу, что идут они в бой под стягами с ликом Твоим и от их боевого клича в страхе бежит враг, как бежали все враги на свете. Пусть хотя бы до этого дня бьется мое сердце. А там — останавливай его, пусть замрет, ибо изболелось оно...

Штейфон отворил дверь. Нет, и внутри никого. Видимо, и эта ночь пройдет спокойно. Завтра — день, похожий на дру-

гие, серые, безнадежные. Нет, надежда есть. Еще теплится.

А не станет ее, погаснет Белая Мечта, как гаснет свеча в душной комнате — тогда что? Борис Александрович перекрестился, еще стоя в дождевике в полутемных сенях. Прошел в комнату. В красном углу, под маленьким иконостасом, светилась зелено лампадка, лик Спаса смотрел укоряюще.

Нельзя падать духом. Да и праздник завтра. Светлый, славный день Святого Благоверного Князя Александра Ярославовича. Бил он шведов на Неве, и бежало войско их сильное от его рати малой, ибо не в силе Бог, а в правде.

Вот и сердце поменьше стало болеть. Есть, есть надежда...

Штейфон встал под образа, тяжело и медленно опустился на колени, пальцы, сложенные в щепоть, коснулись лба, груди, правого плеча, левого. Старый сторож шептал любимую свою молитву:

— Спаси, Господи, люди Твоя, и благослови достояние Твое...

Он поднял глаза к иконам. Спаситель смотрел уже не укоряюще, тепло, и надежда, Белая Мечта, засветилась в душе ровным, мягким светом, как свеча бескровной жертвы в старом харьковском храме. — Победы на сопротивные даруя, и Твое сохраняя Крестом Твоим жительство...

И склонил низко голову под мерцающий огонь.

АРКАДИЙ РАХМАНОВ

НЕДОСТАЮЩЕЕ СЛОВО

В послесловии к изданному в Леснинском монастыре альбому "Игорь и Маша в Провемоне", архиепископ Серафим Брюссельский и Западноевропейский (ныне удалившийся на покой; о чем очень стоит пожалеть! именно сейчас, в момент нестроений в Зарубежной Церкви, ей бы чрезвычайно нужны энергичные и культурные люди как он...), под чьей редакцией он опубликован, выражает сожаление об отсутствии в русском языке адекватного слова для обозначения того, что по французски именуется **bandes dessinées**.

Французское слово теперь невозможно, ввиду вытеснения в постсоветской России из употребления языка, испокон бывшего языком хорошего общества у нас на родине.

Применяющееся ныне там слово **комиксы**, — согласимся в этом со владыкой Серафимом, — решительно никуда не годится!

Безграмотное слово, с двойным множественным числом, английским и русским, помимо прочего, не выражает нужного понятия; ведь подобные серии картинок вовсе не обязательно должны носить юмористический характер!

А что у нас подходящего слова нет, это тем более странно, что самое явление-то у нас уже с давних времен существует!

Не говоря о подобных сериях картинок, продолжающих одна другую, встречавшихся еще в дореволюционные времена в детских журналах типа "Задуманного Слова", в советское время они изобиловали в журнале "Крокодил" и нескольких других его же жанра (в 20-е годы, например, таковых было много...).

Обычно они сопровождалась рифмованным текстом. Помню даже от-

дельные стихи этой категории. Так, была в "Крокодиле" серия, посвященная похождениям некоего Павла Ивановича, и там пассаж:

**Солнце бросило улыбку —
На поля и на газон. —
Эх, теперь бы удить рыбку! —
Не резон проспать сезон...**

Или из другого журнала (кажется, "Смехача"?) о некоем председателе какого-то общества, обустроившем свою роскошную квартиру за казенный счет:

**Но, осмелюсь я Вам доложить, —
Дважды два всегда есть четыре, —
И пришлось председателю жить,
Не в этой, а в иной квартире —**

С изображением оно в тюремной камере. Правда, эти серии ограничивались журналами. Не помню, чтобы издавались такого рода книги (хотя детские-то довольно близки часто бывали к подобной манере).

Но вот термина для таких картинок у нас, вроде бы, не существовало; нет и по сей час.

Не следовало ли бы придумать? Не обязательно из славянских корней; но, во всяком случае, — точное определение?

Почему бы читателям "Нашей Страны" не поломать над этой проблемой голову и не внести свои предложения?

Вон ведь, например, для фильмов, сходных по характеру, укоренилось название "мультипликация". Нельзя ли бы сделать что-либо в этом роде и для

книжек?

Что до содержания альбома, повествующего о брате с сестрой, совершающих из Португалии паломничество в Нормандию, в монастырь в Провемоне, и с которыми случаются сложные и драматические приключения (встреча с акулой у берега моря, исследование подземного хода, чуть не приведшего их к гибели, в результате обвала, и т. п., и т. д.) — они, безусловно, весьма занимательны, а отчасти и поучительны.

Укажем все же на некоторые дефекты.

Зачем писать в русском тексте имя Камозенса латинскими буквами? Великий португальский поэт, известен у нас на родине со времен Пушкина и Жуковского, не раз о нем в своем творчестве упоминавших.

И не совсем понятно, почему Маша, которая дотошно разбирается в тонкостях французской речи (объясняет младшему брату как название парижского ресторана "Lapin agile" произошло из первоначального "Lapin à Gilles") вдруг забывает полностью этот язык во время поездки в поезде?

Вообще, хотелось бы уточнение, из **какой** русской семьи эти дети появляются на сцену? Из первой, второй, третьей волны? Если бы мы это знали, — нам легче было бы понять их мысли и поступки...

Но не будем придирается к мелочам и пожелаем интересному леснинскому альбому успеха и широкого распространения в публике!

АРКАДИЙ РАХМАНОВ

Игорь и Маша в Провемоне.

Необыкновенные приключения
двух детей, приехавших на летние
каникулы в Нормандию.

Русская версия (existe également en français)

Предлагаем вниманию читателей "Нашей Страны" две книги, только что вышедшие во Франции:

"ИГОРЬ И МАША В ПРОВЕМОНЕ"

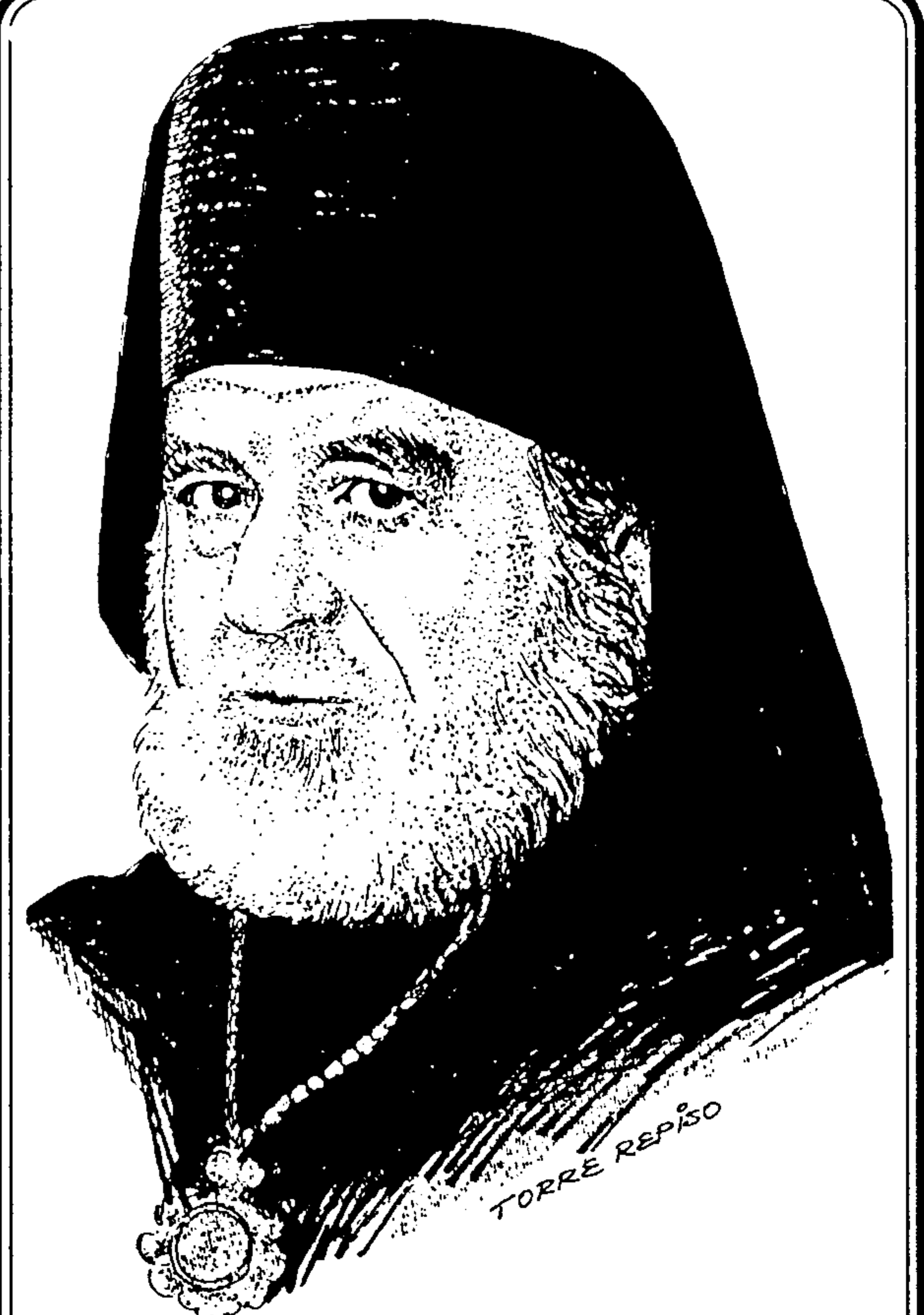
В этой книге, составленной из картинок, Владыка Серафим (Дулгов) рассказывает историю Леснинской обители и приключения двух подростков во время их пребывания в Провемоне.

И

"ПАВЛОВСКИЙ ГОБЕЛЕН"

Переиздание, дополненное и иллюстрированное, ставшего библиографической редкостью труда Старого Кирибея (П. Н. Шабельского-Борка), посвященного императору Павлу Первому, начавшему освобождение крестьянства и убитого масонами. Заказы принимаются только на обе книги вместе. Цена: 15 американских долларов за оба произведения плюс 2 доллара за пересылку. Уплата принимается только "травелер" чеками.

Выписывать по адресу: Ithaque Films, 63, rue de Courcelles, F-75008 Paris, France.

Архиепископ
Серафим (Дулгов)

ПЕЧАТЬ

ПОСПЕШИШЬ, — ЛЮДЕЙ НАСМЕШИШЬ

“Русская Мысль” от 15 ноября с. г. возвещала, в заглавии передовицы: “Талибы оставили Кабул и Кандагар”.

Кабул-то, да. А вот насчет Кандагара...

Вашиими устами, почтеннейшая Ирина Кривова да мед бы пить!

Вот прошло несколько недель, — а Кандагар все стоял: главный оплот Талибана... А в Кундузе оставались бойцы бенладеновского “иностранный легиона”: арабы, чеченцы, пакистанцы... Они согласны были сдать. На условии, что их беспрепятственно вывезут за пределы Афганистана.

Командиры Северного Альянса готовы были на то пойти, во избежание кровопролития. Но тут американцы проявили неожиданную (но разумную и обоснованную) свирепость, считая, что их должно уничтожить или забрать в плен безо всяких компромиссов.

А вот стоит процитировать приводимые в парижском еженедельнике слова, от имени Северного Альянса, его представителя доктора Абдуллы: “Для нас непонятно, что американскую внешнюю политику направляет Пакистан!”

В самом деле: зачем и почему США непременно хотят сохранить в Афганистане привилегированное положение пуштунов, в ущерб иным народностям? Вопреки и здравому смыслу, и справедливости... Впрочем, все большее число пуштунов сами переходят на сторону Северного Альянса.

События идут быстро; за ними не угнаться. Просим читателей нас не винить за опоздание в информации.

ПОРАНЬШЕ БЫЛО ВСТАТЬ!

В сборнике “Преемственность и возрождение России”, изданном в 2001 году в Москве “Посевом” (т. е., очевидно, партией солидаристов?), М. Краснов, под длинным названием “Демократическая государственность России и конституционная монархия”, убедительно доказывает, что именно такой вот политический строй явился бы ныне для России наилучшим.

Не будем входить в суть его доводов; некоторые из них вполне веские, другие — чепуховые. Заключает он, во всяком случае такой вот фразой:

“Таким образом, нам бы удалось совместить в конституционной монархии преимущества парламентской и президентской форм правления”.

Вспоминается однако следующее. Когда, после Второй Мировой войны, вышла на сцену новая эмиграция, и обнаружилось, что в ней сильны монархические настроения, журнал

“Посев” опубликовал передовицу, где с негодованием (если не с ужасом!) говорил о намерениях “воскресить полусгнивший труп российской монархии”.

И, в тот период, НТС делал все, что только мог, для борьбы с нами, с монархистами, в коих видел своих опасных соперников, а потому и врагов.

Как видно, ориентация господ нацмалышчиков теперь переменялась! Что ж, приветствуем! Им бы и впрямь пора повзрослеть.

Нужно ли было огород городить, если они, в конце концов, пришли примерно к тем же, что и мы выводим? Ну, — лучше поздно, чем никогда!

И, конечно: “Иные времена, иные и песни”.

ПИСЬМА ШАМИЛЯ

“Комсомольская Правда”, от 31 августа с. г., опубликовала письмо Шамиля его победителю князю Барятинскому, из Калуги, куда побежденный имам был сослан на поселение.

В одном из них, от 1868 года, кавказский воитель говорит:

“Прожив в России более 9 лет, я постоянно пользовался и пользуюсь милостями Государя Императора. Я не нашел другого средства выразить мою сердечную благодарность и мою глубокую преданность, как принять с моим семейством присягу на верноподданство Его Императорскому Величеству и в лице Его — моему новому отечеству России”.

Газета, весьма глупо, комментирует это как какие-то расчеты и интриги. Но известно, что с Шамилем обращались как с попавшим в плен иностранным принцем. Он имел все, что пожелает, — а когда, в старости, захотел уехать в Мекку, то беспрепятственно и уехал (там потом и умер; а потомки его и до сих пор живут в России).

Притворяться ему было совершенно ни к чему!

ХАЛТУРА

Детективный роман А. Ромова “Убийцы в опасности”, печатавшийся в “Новом Русском Слове” с продолжениями, в июне и июле этого года, — произведение ниже среднего уровня, по сравнению как с иностранными так и теперешними постсоветскими сочинениями в данном жанре.

Герои — фигуры совершенно картонные, безо всякой внутренней жизни, да и внешних особенностей; кроме того, что они — неправдоподобно храбры и находчивы, неизменно при всех обстоятельствах.

Об их моральном уровне говорит то, что герой (владелец детективного агентства) и героиня (содержанка американского миллионера) при первой же случайной встрече в баре вступают в любовную связь. Впрочем, незамужняя дама, русская по происхождению, так и так имеет уже богатое эротическое прошлое...

Следствие против преступ-

ников покушающихся на наследство (неубедительно пошито белыми нитками) неотразимой Линой, ведется при помощи всяких современных машинок (в отличие от сыщиков прежней литературы, работавших мозгами; но их нужно иметь!) быстро навевает скуку и охота читать дальше пропадает.

Впрочем, конечно, кому как...

УТРАЧЕННЫЙ РАЙ

Алла Марченко, рецензируя в заметке “В начале жизни школу помню я”, в “Новом Мире” № 5 от с. г., роман А. Чудакова “Ложится мгла на старые ступени”, справедливо говорит о том, что, кроме советской школы, дети и молодежь в СССР подвергались иным влияниям:

“Юный человек конца сороковых — начала пятидесятых годов”, будущий шестидесятник, учился совсем в другой школе, где и историю, в том числе и новейшую, и экономику, в том числе и капитализма, изучали не по наркомпросовским учебникам. И преподавали в этой Главной Начальной Школе совсем другие наставники. Во первых, сама жизнь, а она, в войну, запросто обходилась без всяких коммунистических идеалов, во вторых, деды и старшие, уже не призывного возраста, дядья, угадавшие родиться задолго до социалистической революции... Их безыскусные рассказы про старые годы были нашими волшебными сказками”.

САМОУВЕРЕННОСТЬ (БЕЗ ОСНОВАНИЯ)...

Из отдела “Периодики” в том же журнале, ведомого А. Василевским, выпишем такой отзыв, по поводу статьи А. Безансона в “Русской Мысли” “Опасен ли Путин?”:

“Самоуверенный французский интеллектуал уверяет, что — в России? — появилось понятие “православизм”.

Определение сущности месье Безансона — довольно меткое!

ЛОЖНАЯ ЦВЕТАЕВА

В “Новом Мире” № 6 от с. г., Л. Поликовская совершенно справедливо дает уничтожающий отзыв о книге Д. Бургиной “Марина Цветаева и трансгрессивный эрос” (СПб, 2000), указывая на недопустимость: “считать всю человеческую и творческую судьбу Цветаевой результатом подавляемых в себе лесбийских наклонностей”.

Разоблачая нелепые приемы автора данной книги, вроде истолкования каждого упоминания слова *остров* (*острова*, *островитянка*, и т. д.) как намек на Лесбос и соответствующий порок.

В. Р.

К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ УБИЙСТВА ПИСАТЕЛЯ Н. М. ФЕВРА

(Выдержка из письма А. Г. Макриди-Стенроса Н. Л. Казанцеву от 25-6-1973)

С Февром я познакомился во время войны, после которой мы обменялись несколькими письмами. Он произвел на меня очень хорошее впечатление, в памяти остался похожим чем-то на Зоценку.

Вы, конечно, знаете, что Февр был отравлен в Буэнос-Айресе, как и Бойков — сотрудник “Нашей Страны”. Может быть, Вы знаете и то, что Февра раскопал в Сербии Деспотули, у которого он и работал до конца “Нового Слова”. Сам Деспотули совершенно нелепо попался к большевикам и просидев в концлагере одиннадцать лет, изловчился по аденауэровской репатриации вернуться в Германию, как немецкий подданный, хотя несмотря на нажим нацистов, так и остался нансенистом. Обо всем этом пишу, чтобы Вы поняли смысл выдержки из письма Деспотули, после моего сообщения ему о судьбе Февра. Вот, что мне написал Деспотули:

“То, что Вы написали о Февре, для меня не ново. О том, что с ним что-то должно произойти, я знал еще в лагере, когда оперуполномоченный допрашивал меня о нем и весьма недвусмысленно отзывался о его супруге Аллочке Неживой, дочери киевского чекиста, как о советской патриотке, которая де и после замужества осталась подлинно советским человеком. Я не сомневаюсь, что эта “патриотка” способствовала своему освобождению от семейных уз. На меня она произвела отвратительнейшее впечатление, когда по мальчишески в нее влюбленный Николай Михайлович привел ее к нам в 1942 году на Johan Georg strasse”.

До войны, в Белграде, он был лучшим другом Б. К. Ганусовского, ставшего офицером 15-го Казачьего Кавалерийского Корпуса, отведавшего советские концлагеря и сотрудничавшего тоже в “Нашей Стране”. Февр был замечательным журналистом и большим, видимо, умницей. Его смерть — 21 мая 1951 г. — на меня произвела сильное впечатление; большевики знали кого убрать.

БИБЛИОГРАФИЯ

В. Зарубин “До и после коммунизма” (Мюнхен, 2001).

Хорошо знакомый читающей публике В. Зарубин собрал в этой книге, кроме новых статей, прежние, публиковавшиеся раньше, главным образом в “Нашей Стране”, в “Голосе Зарубежья” и в “Вече”.

Перечитывая их вновь, видишь, что они ничуть не устарели, а иногда приобрели даже новую актуальность с развитием мировых событий.

Так обстоит, например, со статьей “Загнать Россию в Московскую область”, напечатанной (в “Вече”) первоначально в 1990 году.

Она открывается словами: “Мы уже давно наблюдаем, как в XX веке меняются традиционные, много веков существовавшие, понятия о России.”

Для нас, русских патриотов в Зарубежье, Россия означает то, что она была всегда: многонациональное государство, издавна объединившее народы разных культур и вер. После большевистского переворота, на месте России образовалась интернациональная атеистическая Совдепия — государство, в самом названии которого слово “Россия” отсутствует и в котором было провозглашено уничтожение традиций всех народов, особенно народа русского — оплота старых ценностей. **Но для нас территория нынешнего СССР и есть Россия!**”

Нельзя лучше определить взгляды, присущие русским националистам, — в трезвом и правильном понимании данного термина, — и особенно монархистам, за рубежом и, надо полагать, внутри России.

Отметим, при сем случае, что никак не сочувствуем делающимся сейчас, в том числе в русской правой прессе в эмиграции, попыткам представить наше отечество как этнически русское государство, при умалении роли и прав национальных меньшинств.

Наша Россия есть именно, как говорит Зарубин **многонациональное государство**. Теперешнее разделение ее, коему радуется все ее враги есть, надемся, явление временное, искусственное и неестественное.

С объективным чувством справедливости, применяя те же критерии к Германии, Зарубин констатирует, в статье “Наш общеевропейский дом”, абсурдность идущих в этой стране процессов де-ационализации.

“Школа, печать, радио, кино, телевидение — все брошено против национальных чувств немецкого народа. Здоровый национализм не должен основываться на ксенофобии или на любых иных фобиях!”

К чему он добавляет в другой статье, “Германия на стыке тысячелетий”:

“В обиходном языке у немцев нет больше детей — киндер, а нужно говорить “кидс”, “сорри” вместо “извините” и т. д. Вот пример из газет: “Вбрасывается

в “Weekend-feeling”! Вы так и сяк, что сегодня по настоящему “relaxen” можете? Или же страдаете после “Saturday Night Event” вчерашнего после “Hangover”?”

Очень интересны картины жизни в Венгрии, нарисованные человеком хорошо знающим венгерский язык и венгерские нравы, и к тому же — участником венгерской революции 1956 года.

А также и целый ряд статей посвященных событиям на Балканах (“Вокруг Сербии” и др.).

Отметим еще, с полным сочувствием, отповедь Зарубина “нашим плюралистам”, в статье “Они на меня ополчились”.

В остальном — всего не пересказать и не прокомментировать. Отошлем читателя к самой книге!

В. Петелин. “Жизнь Алексея Толстого” (Москва, 2001).

Да был ли переворот в России? Пала ли советская власть? Или — ужасная мысль! — большевики ни захватили ли уж вновь бразды правления?

Протираешь себе глаза... Но нет, вещи и впрямь-таки изменились. Не изменился лишь товарищ Петелин, целиком оставшийся верным коммунистическому, марксистскому мышлению. В духе коего он и излагает все события, связанные с жизнью “красного графа”, поминутно цитируя Ленина. Ему невдомек, что Владимир Ильич вышел из моды, что его, того и гляди, даже и из мавзолея-то выкинут.

Не брезгует автор этого крупнейшего тома (940 страниц! Бунину, например, — как-никак писателю покрупнее, — книга была посвящена более чем вполтину тоньше; а quasi тезке А. Н. Толстого, замечательному поэту А. К. Толстому, и того меньше...) самыми пошлыми штампами и стереотипами густопсового вульгарного социализма: “германофильство царицы”, “роль Распутина”, и пр., и т. д. Белое движение, это были “помещичьи сынки”. С возмущением поминается “отвратительная сущность дворян-крепостников”, со смаком “классовая ограниченность” правых писателей; царь Николай Первый, это “царь провокатор”, etc. Противно, — но все это, увы, такое знакомое!

Только вот видеть дату, 2001 год, — удивительно! Неужели Россия покатила назад, колесо истории повернуло вспять?! Ведь даже нынешние национал-большевики таким языком, прогнавшим насквозь деревянным языком эпохи сталинизма, — боль-

ше уже не выражаются!

Специальная сконцентрированная ненависть к монархии, бьющая фонтаном из-под пера Петелина, нас не удивляет; чего иного ждать от апологета марксизма-ленинизма! Знает кошка, чье мясо съела...

При всем том, некоторые его откровения неожиданны. Скажем, похвала М. Кузмину за “здоровое отношение к миру”. Это у извращенца-то гомосексуалиста!.. Или что А. Ремизов был “глубоко национальным художником”. Причем о нем сообщается: “любил рассказывать сюжеты из “Четии Миней”, пересыпая их порнографическими отступлениями”.

Об эмиграции мы тут находим сплошную злобную чушь. Впрочем, оно, не диво; поскольку основано на вранье А. Н. Толстого после его возврата в большевицкий рай.

Об образовательном уровне Петелина можно судить по таким мелочам: название корабля “Corcovado” у него превращается в Карковадо, название улицы Иоахимсталлерштрассе в Иоахим-Сталлерштрассе (?). Похоже, что в иностранных языках он не больно-то силен.

Вся эта романсированная биография есть хвалебная иконография “красного графа”. Некоторыми диссонансами звучат в ней отзвуки об оном современников (из весьма разных лагерей). М. Булгаков выразился так: “Грязный, бесчестный шут”. В заметке в “Возрождении” сказано: “Бывший граф Толстой, подававший надежды стать неплохим писателем, ныне гнусный лакей на службе Г.П.У.”

А вот беспристрастный, нейтральный набросок Н. Асеева: “Все в нем было вкусно, чувственно, крупно”. Портрет беспринципного гедониста... А еще лучше охарактеризовал его И. Бунин: “Человек редкой личной безнравственности”, и притом “восхитительный в своей откровенности циник”.

После этого нас не может удивить испепеляющее презрение, с которым его заклеймил А. И. Солженицын в убийственной новелле “Абрикосовое варенье”.

А. Н. Толстой поистине пример того, что бывает с людьми, продающими душу Дьяволу. Князь Мира Сего в таких делах скрупулезно честен: дает просимое, в данном случае — славу, богатство, здоровье, чтобы ими пользоваться... а уж какая потом расплата, сие нам знать не дано, и о том страшно и думать.

Скажем напоследок несколько слов о методе написания сочи-

нения В. Петелина. Он хвалится тем, что для разговоров в своем опусе использовал письма, дневники и произведения упоминаемых тут лиц. Способ сомнительный: то что естественно в письме звучит фальшиво, данное в форме разговора: часто выглядит слишком длинно, натянуто и искусственно.

Притом подобран-то материал часто — весьма необъективно. Например, в вопросе о женах А. Н. Толстого (их было 4: Ю. Рожанская, С. Дымшиц, Н. Крандиевская и Л. Баршева) он бескомпромиссно принимает точку зрения последней по поводу развода с предпоследней. А та оставила мемуары, в которых данная история выглядит совсем иначе...

Н. Troyat. “Marina Tsveetaeva” (Paris, 2001).

Автор предлагает нам очень сжатую, но в основном содержательную и точную биографию М. Цветаевой. Которая вероятно может быть очень полезна для французов и других иностранцев, не владеющих русским языком, но интересующихся, в той или иной мере, русской литературой.

На творчестве поэтессы он останавливается, главным образом, для иллюстрации ее жизни, и дает о нем только самое общее представление.

Книга (в 350 страниц) заслуживает, в целом, полного одобрения.

Хотя и можно бы в ней все же подметить некоторые сомнительные детали.

Например, Труайя однозначно называет мужа Цветаевой, Эфрона, евреем. Это вряд ли справедливо.

Евреем он был наполовину, по отцу; мать же была русской дворянкой. Он был крещен в православие, так что не подвержен никаким административным ограничениям.

Главное же, видимо, он сам смотрел на себя как на русского интеллигента, и не заметно, чтобы он в чем-то держался за связь с еврейским миром.

Относительно гибели младшей дочери Цветаевой, у читателя может возникнуть впечатление, что она ее одну отдала в детский дом, оставив старшую у себя.

Но это не так: она отдала обеих, Ирину и Алю. Отдала в силу безвыходных материальных условий. Но потом, узнав, что Аля тяжело заболела, взяла ее домой и выходила. Ирина в тот момент было здорова. Сообщение, что она умерла явилось для Марины Ивановны тяжелым (и неожиданным) ударом.

Она себя тяжело винила; но вправе ли мы ее винить?

Хорошо выбран портрет Цветаевой на обложке книги: она на нем молодая и очаровательная, в расцвете сил и таланта...

Такою и хочется себе ее представить, читая ее произведения или думая о ней.

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА СОТРУДНИКА “НАШЕЙ СТРАНЫ”

ВАЛЕНТИНА ЗАРУБИНА

“ДО И ПОСЛЕ КОММУНИЗМА”

Стоимость: 20 американских долларов.
Заказы направлять по адресу: Valentin Zarubin,
Leopoldstrasse 69, 80802 Muenchen, Germany.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

ВИКТОР АСТАФЬЕВ

Нам пишут из Москвы:

В ночь с 28-го на 29-е ноября в Красноярске на 78-ом году жизни скончался выдающийся писатель Виктор Петрович Астафьев.

В 1942-м году, в 18 лет, добровольцем ушел на фронт. Всю войну воевал рядовым, был несколько раз тяжело ранен, награжден различными орденами и медалями. Маршала Жукова В. П. Астафьев неизменно называл "истребителем русской деревни".

Автор книг "Царь-Рыба", "Затеси", "Прокляты и убиты", "Печальный детектив", "Веселый солдат", "Последний поклон", "Пастух и пастушка", "Звездопад", "Зрячий посох" и других, он был русским патриотом и убежденным антикоммунистом.

"Нас Бог наказывает", — говорил Астафьев в ту пору, когда американцы бомбили Белград, — "Мы же во Вьетнаме участвовали, в Корею, Египте — тут, там побьем кого-то, в колхоз народ сгоним. Американцев тоже накажет, обязательно, и в ближайшие десять лет — да так, что нам и в голову не придет". Как выяснилось, ошибся Астафьев тогда только в сроках.

"Мы общество надсаженное; мы не восстановили население русское до сих пор", предупреждал он. По его мнению, "русский писатель — это писатель живущий среди русских людей и знающий их не понаслышке, язык не по словарю, а ощущающий основу жизни локтями, боками и в какой-то мере пропускающий через себя нашу действительность, что отнюдь не так легко, как кажется некоторым".

На вопрос "Литературной Газеты" в 1995 году: "А что бы вы пожелали народу нашему?" писатель ответил: "Воскресения, воскресения, воскресения. Силы есть, способные это сделать. Не мешал бы впредь сатана и помогал бы Бог, которого мы гневим и гневим, но Он иногда обращает к нам Свой милосердный лик, прощает нам наши тяжкие грехи, спасает и врачует нас. На это и будем надеяться".

РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Нам пишут из Москвы:

Возглавляемый Н. Н. Лукьяновым Высший Монархический Совет обратился к главам мусульманских государств с призывом "защитить афганский народ, который претерпел за последнее столетие горе и страдания от британской и советской агрессии, а также от внутренних междоусобиц".

По мнению ВМС "единственным решением афганской проблемы является восстановление

законной авторитетной монархической власти во главе с королем Мухамедом Захир Шахом, но это должен решить сам афганский народ без вмешательства извне".

В обращении утверждается, что "монархисты, исповедующие разные веры, в том числе и ислам, считают, что мир стоит на грани выбора, быть или не быть крупномасштабной войне", которую пытается спровоцировать "мировая закулиса".

ПУТИН И ЕВРЕИ

Нам пишут из Москвы:

Газета "Коммерсант" опубликовала хронику недавнего визита В. Путина в США, в которой, в частности, отмечается, что встреча президента РФ с еврейскими лидерами продолжалась 40 минут, а по ее окончании евреи были в полном восторге.

На вопрос журналиста, "о чем вы столько времени говорили?", председатель Конференции Еврейских Общин России Берл Лазар ответил: "Об Иране, Ираке, о Ближнем Востоке и Европе. Мы обошли вокруг всего мира! Глаза американских еврейских лидеров открылись! Они горят! Они не верили, что в России есть такой человек — Владимир Путин! Они не предполагали даже, что появление такого человека возможно! Я скажу больше. Россия никогда не относилась к евреям так хорошо как сейчас... Ну, почти никогда. Действительно, в 1948 году Иосиф Сталин подержал создание еврейского государства".

Затем Берл Лазар столь же восторженно заявил, что "сегодня Путин изменил взгляд на евреев не только у властей. Он изменил взгляд россиян на евреев! И теперь его взгляд — это и взгляд всей страны! А мы-то с вами знаем, что это почти невозможно сделать в такой стране как Россия. А он сделал! Так что нам теперь нечего бояться!"

РУСОФОБСКИЙ ЗАКОН

Нам пишут из Вашингтона:

В письме президенту Бушу Конгресс Русских Американцев вновь выразил свой протест против закона 1959 года о "Порабощенных Нациях", находящийся в силе и по сей день.

Директор Вашингтонского Представительства КРА С. Рагозин вел разговоры с двумя конгрессменами о возможности перефразировки этой "резолуции 86-90" в том смысле, чтобы в тексте русские больше не объявлялись виновными во зле коммунистической экспансии и чтобы они были включены в список жертв коммунизма, приведенный в пресловутом законе.

На эту же тему, член главного правления КРА Людмила Фостер беседовала с депутатом Думы Аркадием Мурашевым, игравшим видную роль в русско-американских отношениях на протяжении последних десяти лет.

МОЛОДЕЖЬ И МОНАРХИЯ

Нам пишут из Ланарка:

"Белый Листок", выходящий в этом канадском поселке, отметил, что все чаще приходят из России письма, в которых "молодое поколение высказывается о преимуществах монархического строя для России. Многие в России читают Д. А. Хомякова, Солоневича, многие познакомились с проф. И. Ильиным, многим идея монархии стала понятной по одной простой причине: они духовно созрели быть русскими".

Выпускаемый Г. М. Моисеевым орган печати подчеркнул, что "затрагиваемые В. Рудинским и другими сотрудниками "Нашей Страны" темы, как нельзя лучше направляют мысли читателей на осознание ценности монархии и ее исторического значения для России".

"Белый Листок" также назвал Е. Веденееву "отличной, талант-

ливой" защитницей идеи русской монархии.

ЗАСЛОНЫ НА ПУТИ

Нам пишут из Любытина:

Редактор выходящего в Новгородской области "Успенского Листка", священник Тимофей Алферов написал, что для патриархийных апологетов все разговоры о монархии и Царственных Мучеников есть не что иное как одно из средств захвата монополии на православие. У Зарубежной Церкви просто пытаются отобрать ее сильнейшее духовное оружие — верность идеалу Святой Руси и монархическое православное сознание. Не сами желают приобщиться к этой духовной сокровищнице, не ими сохраненной, но стремятся присвоить ее себе, не отказываясь при этом и от старого красного идейного барахла".

О. Тимофей Алферов подчеркнул, что "еще один заслон на пути к действительному преображению души из бывшей советской в русскую — это совмещение почитания Царственных Мучеников с самой откровенной национал-большевицкой проповедью с признанием советчины, с прямой поддержкой коммунистической лжи. Целые издательства параллельно "обслуживают" обе темы: "царскую" и "красную".

ЛЕТЧИКИ-АНТИСТАЛИНИСТЫ

Нам пишут из Москвы:

В газете "Совершенно Секретно" помещена статья полковника в отставке А. Сухомлинова "Пропавший без вести" о военном летчике Леониде Хрущеве, сыне Никиты, который погиб в 43-м году. Невозможно согласиться с мнением автора, что мол "официальные источники — и советские и немецкие — однозначно свидетельствуют: ни одного случая преднамеренного перелета наших летчиков к противнику не было".

Согласно материалам И. Хофманна ("История Власовской Армии"), к весне 44 года на немецкую сторону перешло 86 советских летчиков. Они не только перелетели, но и доблестно сражались в воздушной группе Мальцева-Холтерса, которая послужила базой для развертывания Военно-Воздушных Сил РОА. Боевая работа русских летчиков-антикоммунистов получила высокую оценку немецких наблюдателей. Многие из этих пилотов получили боевые награды.

Немецкий историк Рольф Михаэлис выпустил книгу об ордене для восточных народов ("Зеленом Змий", как называли его добровольцы). Оказывается форма ордена повторяла форму ордена Святого Князя Александра Невского. Орден имел два класса. Всего было более ста награжденных. Знаки первого класса имели генералы Каминский, Мальцев, Буняченко, Кононов, Хольмстон-Смысловский и другие.

Правление Союза св. Благоверного Великого Князя Александра Невского с глубокой скорбью сообщает о внезапной кончине своего нового председателя

ИГОРЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ФЕРДИНАНДО

последовавшей 20 ноября 2001 года и выражает свое искреннее соболезнование вдове покойного. Царствие ему небесное!

Выражаю мое глубокое соболезнование дорогой Мурочке по поводу потери ее незабвенного супруга и нашего друга и товарища по сцене

ИГОРЯ ФЕРДИНАНДО

Ирина Ланская-Лыгина